

СЕМЕНЮК Ксения Алексеевна,
студентка Крымского филиала
ФГБОУ ВО «РГУП имени В.М. Лебедева»
г. Симферополь, Россия
e-mail: info@law-books.ru

Научный руководитель:
РОМАНОВСКАЯ Ирина Викторовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Крымского филиала ФГБОУ ВО «РГУП имени В.М. Лебедева»
г. Симферополь, Россия
e-mail: info@law-books.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье исследуется система процессуальных гарантий, предоставляемых лицам с психическими расстройствами, вовлекаемым в сферу уголовного судопроизводства. Актуальность темы обусловлена отсутствием легальной дефиниции понятия «психический недостаток» и неопределенностью критериев оценки способности указанных лиц самостоятельно осуществлять свое право на защиту. Автором анализируются доктринальные подходы к определению уголовно-процессуальной дееспособности, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, а также правоприменительная практика реализации прав лицами, страдающими психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. Обосновывается вывод о необходимости введения категории «неполная процессуальная дееспособность» и расширения оснований для обязательного участия законного представителя.

Ключевые слова: психические недостатки, процессуальные гарантии, право на защиту, уголовно-процессуальная дееспособность, законный представитель, обязательное участие защитника.

SEMENUK Ksenia Alekseevna,
student, Crimean branch of the
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«V.M. Lebedev Russian State University of Printing Arts»
Simferopol, Russia

Academic Supervisor:
ROMANOVSKAYA Irina Viktorovna,
PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law
Crimean branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«V.M. Lebedev Russian State University of Printing Arts»
Simferopol, Russia

PROCEDURAL GUARANTEES FOR THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF PERSONS WITH MENTAL DISORDERS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. The article examines the system of procedural guarantees provided to persons with mental

disorders involved in the sphere of criminal proceedings. The relevance of the topic is due to the absence of a legal definition of the concept of «mental deficiency» and the uncertainty of criteria for assessing the ability of these persons to independently exercise their right to defense. The author analyzes doctrinal approaches to the definition of criminal procedural capacity, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as law enforcement practice regarding the realization of rights by persons suffering from mental disorders that do not exclude sanity. The conclusion about the necessity of introducing the category of «incomplete procedural capacity» and expanding the grounds for mandatory participation of a legal representative is substantiated.

Key words: *mental deficiencies, procedural guarantees, right to defense, criminal procedural capacity, legal representative, mandatory participation of defense counsel.*

Обеспечение прав и законных интересов лиц, страдающих психическими расстройствами, выступает одним из индикаторов качества уголовного судопроизводства и степени реализации конституционного принципа охраны достоинства личности. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) в пункте 3 части 1 статьи 51 устанавливает обязательное участие защитника в случае, если подозреваемый, обвиняемый в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту [1]. Однако, как справедливо отмечает Н.А. Туктарова, законодатель, используя в диспозициях отдельных статей термины «физический» или «психический недостаток», не счел необходимым дать толкование данных понятий в статье 5 УПК РФ, что порождает существенные сложности в правоприменительной практике [2]. Отсутствие легальной дефиниции приводит к тому, что решение вопроса о наличии у лица психического недостатка и, как следствие, о необходимости обеспечения дополнительных процессуальных гарантий, ставится в зависимость от субъективного усмотрения следователя, что вряд ли можно признать удовлетворительным с позиции обеспечения прав участников процесса.

Полагаю, что подобная законодательная неопределенность имеет более глубокие корни, нежели обычный пробел в терминологии. По существу, речь идет о смешении двух самостоятельных правовых институтов: института невменяемости, влекущего освобождение от уголовной ответственности и применение принудительных мер медицинского характера, и института уголовно-процессуальной дееспособности лица, сохраняющего вменяемость, но испытывающего затруднения в самостоятельной реализации процессуальных прав. Н.А. Туктарова обоснованно указывает, что уголовно-процессуальная недееспособность обвиняемых должна определяться совокупностью двух критериев: медицинского, отражающего бо-

лезненный, патологический характер имеющихся нарушений психики, и юридического, указывающего на их соответствующую глубину и структуру, при которых нарушается способность к самостоятельной реализации процессуальных прав. Разделяя данный подход, подчеркну, что ключевое значение имеет именно юридический критерий, позволяющий отграничить лиц, объективно нуждающихся в повышенной процессуальной защите, от тех, чье психическое состояние хотя и имеет отдельные отклонения, не препятствует самостоятельному осуществлению права на защиту.

Анализ уголовно-процессуального законодательства в его системном единстве с Законом РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» позволяет выявить существенный дисбаланс в правовом регулировании. Статья 5 названного Закона провозглашает, что лица, страдающие психическими расстройствами, обладают всеми правами и свободами граждан, предусмотренными Конституцией Российской Федерации и федеральными законами, а ограничение этих прав допустимо лишь в случаях, прямо предусмотренных законами [3]. Однако, как свидетельствует правоприменительная практика, отсутствие четких критериев оценки способности лица самостоятельно осуществлять процессуальные права приводит к тому, что следователи и суды зачастую либо вовсе игнорируют наличие у обвиняемого психических недостатков, либо, напротив, автоматически лишают такое лицо процессуальной дееспособности без надлежащей проверки его реального состояния.

Принципиальное значение для понимания сущности и пределов процессуальных гарантий лиц с психическими расстройствами имеет Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2007 года, которым были признаны не соответствующими Конституции РФ положения главы 51 УПК РФ в той мере, в какой они – по смыслу, придаваемому им сложившейся

правоприменительной практикой, – не позволяют лицам, в отношении которых осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, лично участвовать в уголовном процессе и самостоятельно реализовывать свои процессуальные права [4]. Конституционный Суд РФ подчеркнул, что лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, так же как подозреваемый и обвиняемый, по существу участвует в совершении деяния, запрещенного уголовным законом, а потому ему должны обеспечиваться равные процессуальные права. Особо значимым, на мой взгляд, является вывод Суда о том, что отсутствие в законе основанного на обязательном учете реальной способности лица осуществлять процессуальные действия дифференцированного регулирования не соответствует международным обязательствам Российской Федерации и не обеспечивает защиту прав личности от необоснованных ограничений.

Разделяя правовую позицию Конституционного Суда РФ, полагаю необходимым обратить внимание на следующее обстоятельство. Сформулированный в указанном Постановлении подход, безусловно, является важным шагом в направлении гуманизации уголовного судопроизводства, однако он адресован, главным образом, лицам, признанным невменяемыми. Между тем гораздо более многочисленную и при этом менее защищенную категорию составляют лица, страдающие психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. Именно в отношении них отсутствие легальных критериев оценки процессуальной дееспособности проявляется наиболее остро.

Д.Н. Рудов и Е.А. Черкасова, анализируя правоприменительную практику, приходят к выводу, что уголовно-процессуальное законодательство не содержит норм, обязывающих представителей правоохранительных органов повторно рассмотреть вопрос о правоспособности лица после получения заключения судебно-психиатрической экспертизы, вследствие чего рассматриваемый участник уголовного процесса ущемляется в реализации своих прав на неопределенный промежуток времени [5]. Авторы обоснованно указывают на необходимость закрепления правового статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, в отдельной статье УПК РФ, предлагая дополнить кодекс статьей 47.1 «Лицо, в отношении которого применяются принудительные меры

медицинского характера». Позволю себе поддержать данную инициативу, однако замечу, что она решает проблему лишь применительно к лицам, признанным невменяемыми. Вопрос о процессуальном статусе вменяемых обвиняемых, имеющих психические аномалии, остается открытым.

Представляется, что концептуальной основой для совершенствования законодательства в данной сфере может стать категория «неполная процессуальная дееспособность», обоснованная в трудах Т.А. Мурышкиной. Автор справедливо отмечает, что обвиняемые с психическими недостатками являются вменяемыми лицами, в противном случае ставился бы вопрос об их невменяемости и, следовательно, о недееспособности. Недостатки психического характера, имеющиеся у обвиняемого, не лишают его процессуальной дееспособности, они лишь осложняют, затрудняют реализацию им своих процессуальных прав, прежде всего права на защиту, не позволяя защищаться качественно и полноценно [6]. Поскольку процессуальная дееспособность таких обвиняемых законодательно не ограничена, мы не можем применить термин «ограниченная процессуальная дееспособность», однако совершенно очевидно, что указанные лица не могут считаться полностью дееспособными. Именно поэтому, как полагает Т.А. Мурышкина, наиболее правильным будет говорить о неполной процессуальной дееспособности лиц, страдающих психическими недостатками, а закрепление такой категории в УПК РФ было бы целесообразным и правомерным.

Разделяя приведенную позицию, полагаю необходимым подчеркнуть ее принципиальное отличие от ранее высказывавшихся в литературе подходов. Речь идет не о создании особого, «усеченного» правового статуса, а напротив, о конструировании дополнительного процессуального механизма, позволяющего компенсировать имеющиеся у лица ограничения и обеспечить ему реальную, а не формальную возможность осуществлять принадлежащие ему права. В этом смысле категория «неполная процессуальная дееспособность» выполняет гарантийную, а не ограничительную функцию.

Особого внимания в контексте рассматриваемой проблематики заслуживает вопрос об участии законного представителя лица с психическими недостатками. Н.А. Туктарова обращает внимание на то, что закон не требует от следователя назначения экспертизы для решения вопроса об установлении психического недостатка, полагаясь на его

компетенцию, что впоследствии позволяет защите привлекать психиатра в качестве специалиста для доказывания имевших место отступлений от процессуальных норм.

Т.А. Мурышкина, исследуя данный вопрос, приходит к обоснованному выводу, что без участия законного представителя обвиняемый с неполной процессуальной дееспособностью не может быть уравнен в своих возможностях по использованию процессуальных прав по сравнению с другими обвиняемыми. Декларативное предоставление равных прав и возможностей не имеет смысла, если отсутствуют гарантии их обеспечения, обязывающие правомочные органы предоставить лицу с неполной процессуальной дееспособностью возможности эффективно пользоваться своими правами. Автор обращает внимание на несогласованность уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства: если в гражданском процессе законные представители являются средством восполнения процессуальной дееспособности лиц, страдающих психическими недостатками, и активно участвуют в процессе, то в уголовном судопроизводстве следственные органы не только не приветствуют участие близких родственников таких лиц на предварительном следствии, но и препятствуют такому участию, ссылаясь на отсутствие их процессуального статуса.

Приведенные данные правоприменительной практики, на которую ссылается Т.А. Мурышкина, свидетельствуют, что на предварительном следствии по всем уголовным делам с участием лиц, страдающих психическими недостатками, в качестве защитников выступали исключительно адвокаты, а законные представители в качестве субъекта, восполняющего процессуальную дееспособность обвиняемого, участия не принимали. Полагаю, что подобная ситуация не может быть признана удовлетворительной. Адвокат, при всей значимости его процессуальной фигуры, не способен в полной мере восполнить отсутствие законного представителя, поскольку, во-первых, он лишен возможности принимать значимые для дела решения без волеизъявления самого обвиняемого,

а во-вторых, его коммуникация с подзащитным, страдающим психическим расстройством, может быть существенно затруднена. Законный представитель, напротив, обладает знанием особенностей личности представляемого, возможностью более эффективного взаимодействия с ним и, что особенно важно, личной заинтересованностью в благоприятном исходе дела.

Обобщая изложенное, полагаю возможным сформулировать следующие выводы. Во-первых, отсутствие легальной дефиниции понятия «психический недостаток» и единых критериев оценки способности лица самостоятельно осуществлять свои процессуальные права является существенным пробелом уголовно-процессуального законодательства, негативно влияющим на качество реализации права на защиту указанной категорией участников процесса. Во-вторых, категория «неполная процессуальная дееспособность», предложенная Т.А. Мурышкиной, должна получить законодательное закрепление как самостоятельный правовой институт, позволяющий дифференцированно подходить к определению объема процессуальных прав лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. В-третьих, необходимо нормативно закрепить обязательное участие законного представителя лица, страдающего психическим расстройством, на всех стадиях уголовного судопроизводства с момента выявления у него соответствующих недостатков, определив процессуальный статус такого представителя и круг его полномочий. Н.А. Туктаровой справедливо отмечается, что понятие психического недостатка необходимо ввести в статью 5 УПК РФ в следующей редакции: «Под психическими недостатками следует понимать все расстройства психической деятельности, влекущие личностные изменения, которые могут иметь криминогенное значение, а также проявляться в поведении лица в конкретной ситуации». Разделяя данное предложение, полагаю, что именно такой подход позволит преодолеть существующую неопределенность и обеспечить действенность процессуальных гарантий для лиц с психическими расстройствами в уголовном судопроизводстве.

Список литературы:

- [1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
- [2] Туктарова Н. А. Процессуальные гарантии защиты прав лиц, страдающих физическими или психическими недостатками // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 1. С. 144-146.

[3] Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 (ред. от 22.07.2024) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.11.2007 № 13-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 48 (ч. II). Ст. 6030.

[5] Рудов Д. Н., Черкасова Е. А. Уголовно-процессуальные аспекты производства в отношении лиц, страдающих психическими заболеваниями // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. № 2. С. 39-43.

[6] Мuryshkina T. A. Некоторые вопросы участия обвиняемых с психическими недостатками в уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300-1. С. 159-161.

References:

[1] Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 28.02.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part I). Art. 4921.

[2] Tuktarova N.A. Procedural Guarantees for the Protection of the Rights of Persons with Physical or Mental Disabilities // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 1. Pp. 144-146.

[3] Law of the Russian Federation of 02.07.1992 No. 3185-1 (as amended on 22.07.2024) «On Psychiatric Care and Guarantees of Citizens' Rights in Its Provision» // Vedomosti SND and the Supreme Court of the Russian Federation. 1992. No. 33. Art. 1913.

[4] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.11.2007 No. 13-P «On the case of reviewing the constitutionality of certain provisions of Articles 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 and 445 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens S.G. Ablamsky, O.B. Lobashova and V.K. Matveyev» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 48 (Part II). Art. 6030.

[5] Rudov D.N., Cherkasova E.A. Criminal Procedure Aspects of Proceedings in Relation to Persons Suffering from Mental Illnesses // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 2021. No. 2. Pp. 39-43.

[6] Muryshkina T. A. Some issues of participation of accused with mental disabilities in criminal procedural activities // Bulletin of Tomsk State University. 2007. No. 300-1. Pp. 159-161.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.